

УДК 303, 321.02

EDN AKWPUF

DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(4).619-635

Научная статья

Эвристическая перспективность использования акторно-сетевой теории для медиакоммуникации как политической науки и практики

Сосновская А.М.[✉]

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sosnovskaya-am@ranepa.ru

Аннотация. На современном этапе, в условиях онтологического по-ворота гуманитарного знания, изучение методологических оснований онтологических теорий и интеграция методов в политическую и медийную коммуникацию приобретает особое значение. Онтологический поворот подчеркивает необходимость понимания акторно-сетевой природы реальности и того, как сетевые отношения формируют наше понимание различных областей, включая политическую и медийную коммуникации. Изучение методологических основ онтологических теорий и внедрение этих методов в коммуникативную и медиа практику позволяет понять глубинные структуры и смыслы, обусловленные сетевыми отношениями, которые имплицитно влияют на наше социальное и политическое взаимодействие. Эти знания могут быть использованы для повышения эффективности и этичности политической и медийной коммуникации в современном постоянно усложняющемся мире. Медиакоммуникация как политическая теория и практика в онтологических рамках предполагает понимание роли СМИ как материальных акторов в формировании политического дискурса и влиянии на принятие политических решений. Исследуется, как институты, технологии и содержание СМИ способствуют конструированию социальной реальности и осуществлению власти. Кроме того, рассматриваются способы, с помощью которых презентации и нарративы СМИ, инициированные диспозитивами и сетями отношений человеческих и нечеловеческих акторов, формируют понимание политических проблем, что в конечном итоге влияет на функционирование демократических обществ на новых, постантропоцентричных основаниях. Автором рассмотрены онтологические характеристики коммуникации, методологические принципы акторно-сетевой теории, релевантные для медиакоммуникации. По результатам исследования выделены структурные стадии политического процесса принятия решения с учетом соответствующих акторов сети, стабилизирующих коммуникацию. Было установлено, что медиа как материальные акторы политической коммуникации оптимизируют механизмы решения проблем, помогают прохождению и стабилизации каждого этапа коммуникации, упрощают привлечение новых акторов, осуществляя сборку данных, которые прежде воспринимались как частные случаи социального действия, а теперь становятся маркерами привлечения новых технологий для управления.

Ключевые слова. Медиа, онтология, коммуникация, политика, метод ACT, управление.

Информация о статье. Дата поступления 26 сентября 2023 г.; дата поступления после доработки 1 ноября 2023 г.; дата принятия к печати 8 ноября 2023 г.; дата онлайн-размещения 18 декабря 2023 г.

Original article

Heuristic Perspective of Using Actor-Network Theory for Media Communication as Political Science and Practice

Anna M. Sosnovskaya

North-West Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation, sosnovskaya-am@ranepa.ru

Abstract. At the present stage, in the context of the ontological turn of humanitarian knowledge, the study of the methodological foundations of ontological theories and the integration of methods into political and media communication is of particular importance. The ontological turn emphasizes the need to understand the actor-network nature of reality and how network relations shape our understanding of various fields, including political and media communication. Learning the methodological underpinnings of ontological theories and incorporating these methods into communicative practice allows us to understand the underlying structures and meanings due to network relations that implicitly influence our social and political interactions. This knowledge can be used to make political and media communication more effective and ethical in today's increasingly complex world. Media communication as political theory and practice within an ontological framework involves understanding the role of media as material actors in shaping political discourse and influencing political decision-making. It explores how media institutions, technologies and content contribute to the construction of social reality and the exercise of power. It also examines the ways in which media representations and narratives, initiated by the dispositives and relational networks of human and non-human actors, shape the understanding of political problems, which ultimately affects the functioning of democratic societies on new, post-anthropocentric grounds. The author considers ontological characteristics of communication, methodological principles of actor-network theory relevant for media communication. Based on the results of the study, the structural stages of the political decision-making process and the corresponding network actors stabilizing communication were identified. It was found that media as material actors of political communication optimize problem-solving mechanisms, help the passage and stabilization of each stage of communication, facilitate the involvement of new actors by collecting data, which previously were perceived as special cases of social action, but now become markers of the involvement of new technologies for governance.

Keywords. Media, ontology, communication, politics, ANT method, governance.

Article info. Received September 26, 2023; revised November 1, 2023; accepted November 8, 2023; available online December 18, 2023.

Введение

О перспективности акторно-сетевой теории (ACT) в рамках онтологического поворота в социологии и политологии написано много статей [1–6], однако о внедрении акторно-сетевого подхода в медиакоммуникации написано недостаточно [7–9]. Исследования показали, что акторно-сетевой подход обладает большим потенциалом для анализа и понимания сложной динамики медиакоммуникаций. В рамках подхода изучается взаимодействие между людьми, технологическими артефактами и социальными структурами: этот подход объясняет, как медиа и социальные сети формируют коммуникацию своими аффордансами [10–12], как конструируется дискурс и как диспозитивы дискурсов направляют коммуникацию, поддерживая динамику власти [13–15].

Исследуя онтологические повороты, мы получаем представление о фундаментальных сдвигах в понимании реальности, о политике инклюзии, смещающей приоритетную агентность с человека на *nonhuman* объекты¹, и расширяющую их агентность как посредников коммуникации, акторов, которым делегированы функции людей, и они их исправно выполняют, требуя от людей последовательности. В исследованиях медиакоммуникаций акторно-сетевая теория и другие теории в рамках онтологического поворота помогают анализировать, как СМИ в качестве акторов влияют на процессы принятия политических решений, и в конечном итоге воздействуют на политический и управлеченческий дискурс и общественное мнение.

¹ Мы приняли решение оставить главный концепт ACT «не-человеческий актор» по-английски, чтобы избежать негативной коннотации слова по-русски.

Объекты и методы исследования

Онтологический поворот привел к политизации онтологии и онтологизации политики и ознаменовался критикой метафизики, рационализма и человеческого субъективизма. В нашем исследовании мы осуществили интеграцию относящегося к этому повороту подхода, акторно-сетевой теории, в теорию коммуникации и в диспозитивный анализ дискурсов локального культурного наследия и политики городской идентичности. Результатами такой интеграции стали создание концептуальной модели коммуникации с учетом акторов ACT и обновление метода дискурсивного анализа за счет включения акторов ACT [13; 16].

Новая политика обусловлена онтологизацией политической мысли, подразумевающей включение всех аспектов *human* и *nonhuman* природы в конструирование реальности как основной цели политики. Этот сдвиг в политическом мышлении направлен на преодоление традиционных паттернов управления и на принятие целостного подхода к управлению и принятию решений, основываясь на признании взаимосвязи различных акторов и особенностях функционирования сети, в которой цели смещаются, действия перераспределяются, и коммуникация трансформируется с каждым новым посредником сети [17].

В результате смены парадигмы в политологическом дискурсе было признано, что эффективное управление требует глубокого понимания сложной системы взаимоотношений между различными акторами в структуре коммуникации.

Новая политика помимо акторно-сетевой теории представлена также объектно-ориентированной онтологией, спекулятивным реализмом и витальным материализмом. Следующие идеи онтологического поворота были адаптированы для интеграции в исследование медиакоммуникаций: проблематизация антропоцене и отказ от центрированности на субъекте-человеке, проявление особого внимания к *nonhuman* акторам; отсутствие иерархии и властных распределений в познании вещей, следование концепции плоской онтологии за счет картирования и установления связей в формате 2D; несогласие с эпистемологией и эссенциализмом, несогласие с пассивностью и неизменностью природных объектов; расширение понятия жизни за счет концепции «пульсирующая материя» [17–20].

Такие онтологические установки закладывают новые направления познания политической реальности. Базовым для адаптаций системы является рассмотрение неиерархичности реальности, и достигается это через введение в анализ концепции «эмержентность», возникающего феномена, несводимого к составляющим его частям. Эмерджентность противостоит как редукционизму, так и сведению элементов социальной действительности к какому-то текущему актуальному набору практик. Эмерджентность — значимый принцип для теории коммуникации, гештальт-теории, теории поля, кибернетики и теории систем, определяется для всех названных и используемых в исследовании теорий как появление у системы свойств, не присущих ее элементам в отдельности, и несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов [21].

Nonhuman акторы действуют как стабилизаторы *human* общества и коммуникации: «Включить в онтологию существующего объекты, вещи, вне корреляции с человеком, не в качестве подручных, а в качестве действующих и производящих реальность, означает придать их онтологии политическое значение и роль, а также расширить онтологическое содержание политики, уйдя от ее ограничения “волюнтаризмом свободно конституирующего человеческого субъекта”» [1, с. 130]. Сморгунов определяет новую исследовательскую повестку в рамках политологии и политической науки: «Политизировать онтологию означает определить, какие объекты приобретают власть и влияние в процессе взаимодействий формирующейся реальности, какие объекты проявляют политический эффект в ее конструировании. Более того, взаимодействие различных онтологических объектов порождает конфликт онтологий, а соответственно, ведет к необходимости разрешать конфликтные отношения в политике. Политизировать онтологию означает, таким образом, включить ее в процессы оспаривания и производства решения. Онтологизировать политику — это признать, что политика имеет свою онтологию, несводимую к морали, экономике, рационализму, эстетике, воле, что все объекты в политике раскрывают свою политическую субстанцию, что необходимо научить жить людей во взаимодействии с объектами» [там же, с. 131].

Коллективы (по ACT, это люди и вещи вместе) высказываются, используя собственные артикуляционные аппараты. *Nonhuman* акторы могут быть представлены в обще-

стве людей своими делегатами, учеными и экспертами. «Мы всегда имеем дело с представителями, — пишет Блинов, — но должны научиться ставить под сомнение их слова. Нелегитимный характер представительства, со справедливой критикой которого выступали сторонники революционного имманентизма, порождает новую утопию, не работающую применительно к “нечеловеческим” существам, которых, согласно Латуру, представляют “белые халаты”, или ученые. Разумеется, в отличие от политиков ученые всегда претендовали на то, что “факты говорят сами за себя”, а они всего лишь расшифровывают таинственные письмена “великой книги мира” или “той самой” природы. Представительство (не путать с натуралистической презентацией), считает Латур, в том или ином виде неустранимо, но мы должны тщательно исследовать его характер. При этом представительство политическое представляет собой не меньшую проблему, чем представительство нечеловеческих граждан, которое поручено ученым. <...> В новом латурианском коллективе ученые не имеют права запирать “нелюдей” в стенах лабораторий, так как им предстоит высказаться по жизненно важным вопросам. Задача “белых халатов” состоит в том, чтобы создать “артикуляционные аппараты” для нелюдей, при помощи которых их человеческие “сограждане” могут, наконец, услышать их нетвердые голоса. Этот процесс должен проходить при полном соблюдении демократических процедур, то есть в условиях постоянного сомнения в корректности той или иной презентации» [22, с. 196]. Таким обра-

зом, онтологизация политики приводит к более объемному пониманию взаимодействий людей и других существ, *nonhumans*.

Результаты и их обсуждение

Что значит говорить от имени тех, чья онтология и эпистемология отличается от нашей? Когда каждая группа и коллектив говорят сами за себя, без представителей, согласно новой онтологии, все неизбежно становится политическим. Этот сдвиг ставит под сомнение традиционную динамику власти и требует переоценки того, как мы понимаем и используем различные точки зрения. Признание плюрализма подразумевает, что несколько истин могут сосуществовать, и наоборот, предпочтения ведут к неравенству. Принятие новой онтологии означает активное участие в диалоге, развитие эмпатии и создание пространства, в котором все голоса *nonhumans* будут услышаны и к ним отнесутся с уважением.

Наша исследовательская концептуальная модель коммуникации объединяет эти понятия: принимающее пространство диалога, эмпатии и взаимодействия. Диалог понимается как взаимодействие и производство смыслов, эмпатия — как способ вовлекать новых акторов, становиться в их позицию. Принимающее и понимающее пространство предстает как постоянно трансформирующееся соотношение голосов, когда они не заглушают друг друга, но каждый голос находит отклик. Включается механизм проективной идентификации, когда представители *nonhumans* транслируют их потребности как свои (например, эксперты заявляют о по-

требностях биотопа или наследия). Концептуальная модель учитывает всю эту систему мест и трансформаций. Концептуальная модель была апробирована как артикуляционный аппарат при анализе коммуникации и конструирования идентичности наследия, когда о проблемах отдельного здания, паркового биотопа заявляли эксперты и также отдельные дискурсивные группы в СМИ [13].

Безусловно, в городском развитии объекты материального наследия имеют власть и влияние на процедуры производства городских трансформаций как среды, так и идентичности, они имеют социальный эффект, организуя вокруг себя дискурсивные группы, конфликтный антагонистический дискурс. То есть, городские трансформации идентифицируют каждого участника взаимодействия (*humans* и *nonhumans*) в зависимости от реально наблюдаемого социального эффекта. Конфликтный дискурс прослеживается как метод дифференциации социальных групп и одновременно укрепление идентичности групп.

Исследователи новой онтологии в политике проблематизируют подход, отмечая, что нет выверенной методики изучения как медиакоммуникации, так и политической науки и практики, в целом [3; 23; 24]. В обзоре работ своих коллег по объектно-ориентированной онтологии Харман отмечает общность стратегии, но вариативность методик [18]. В данной работе мы вычленяем и позиционируем релевантные для коммуникационной модели аспекты теории АСТ Латура, как наиболее последовательной в реализации акторно-сетевой оптики, подразумевающей следование за акторами и

внимание к их действиям, которые трансформируют реальность, внося изменения в практики. Наша методика, разработанная на основе акторно-сетевой теории, представляет собой пять способов деконструкции дискурса, задач развертывания и проблематизации ситуаций и пять способов последующей сборки и стабилизации задач объединения [13; 16].

Латур, Сморгунов, Блинов пишут о политике, укорененной в настоящем. Политика — это всегда выявление и решение насущных проблем. Политологов также волнует вопрос подотчетности в мире, где все имеет политические последствия: «прогрессивная композиция общего мира будет определяться двумя основными элементами: какие вещи должны интересовать политику, и как она должна поворачиваться вокруг этих вещей» [1, с. 131]. Когда каждая группа и коллектив говорят «сами за себя», все неизбежно становится политическим: «Там, где все является политическим, политика становится чем-то совсем иным» [22, с. 197]. По АСТ, необходима перекомпоновка содержания власти и сил за счет деконструкции связей, поиска и нахождения новых *nonhuman* акторов в каждой ситуации с их актуальными требованиями, построение общего коллектива, а далее построение общей композиции таких сборок. Латур пишет, что «только свежесть результатов пересборки может гарантировать политическую значимость» [17, с. 344]. Свой политический проект, связанный с кризисом идентичности и принадлежности, Латур связывает с обновлением политических наук за счет смены оптики, рассмотрения и включения разных сущностей в кол-

лективы: «Во времена множественных кризисов того, что понимается под принадлежностью, уже нельзя слишком упрощать задачу совместного существования. Так много других сущностей сейчас стучатся в двери наших коллективов. Разве так уж абсурдно желать перевооружения наших дисциплин, которое возвратило бы им чувствительность к создаваемому ими шуму и помогло бы найти для них место?» [17, с. 346].

Таким образом, принцип трансформационной действенности настоящего момента онтологических теорий и такой же принцип гештальт-аналитической коммуникации, выражающийся в максиме «здесь-и-сейчас», указывающий на динамику действий с полевыми эмерджентными свойствами, приобретает внутри современных режимов социальных взаимодействий потенциал политического. Для доказательства взаимной релевантности этих принципов перечислим структурные стадии политического процесса принятия решения [1; 25–27] и релевантные им, соответствующие структуре коммуникации и АСТ, этапы, а затем в таблице представим вещи, акторов, которые дестабилизируют и стабилизируют социальные отношения (табл.):

– появление проблемы: изменение гомеостаза в среде, изменение объектов, изменение симбиотических отношений, изменение привычного положения дел в поле «организм-среда»;

– превращение проблемы в публичную: использование средств коммуникации в процессе реагирования на изменения в среде, обсуждение, поиск решения и компромисса [14; 25];

– принятие ответственной инстанцией этого вопроса как общественной воли и высшего блага: обсуждение в рамках дискурсов групп всегда антагонистичных и конфликтных, поскольку оппозиция и разнобразие присущи демократическому политическому режиму [1; 13];

– привлечение общественности к решению проблемы: выбор логичного ответа и рационального решения [1; 26; 27; 28];

– переход вопросов в стандартную стадию управленческой практики: разработка планов управления, программ развития, политики конструирования идентичности, соответствующей ситуации [27–30].

Рассмотрим каждый этап: как разворачиваются процессы, переходят в новое состояние, и какие акторы заявляют о себе и способствуют как стабилизации этапа, так и его трансформации.

Появление проблемы

Изменение гомеостаза в системе может быть обусловлено внешними, внутренними и полуторонними силами: внутри системы агентные вещи меняют ситуацию, например, ветшение зданий; внешние силы, например, изменение климата также оказывает влияние, выбивая систему из равновесия; а полуторонние или внесистемные силы представляют собой энергетическую потенциальность материи, которая может привнести неожиданное, когда накапливается, конденсируется достаточный потенциал для материализации какого-то явления, например, тренда на реформу. Джон Ло определяет внесистемный фон следующим образом: «альтернативная метафизика допускает «по-ту-сторонность»

как огромную, избыточную, энергетичную, как набор колеблющихся потенциальностей и окончательно неразрешимый поток» [31, с. 144].

Латур называет такой фон плазмой — «это именно то, что еще не отформатировано, еще не измерено, еще не социализировано, еще не включено в метрологические цепи, еще не покрыто, не обследовано, не мобилизовано или не субъективировано» [17, с. 319]. Таким образом, энергетический потенциал материи, «среды внезапных изменений», находящейся вне системы, также может влиять на ее гомеостаз, обеспечивая или истощая ресурсы, необходимые для поддержания равновесия [там же, с. 321].

Согласно АСТ, в пульсирующей материи собираются кластеры коллективов, цепочки связей акторов, которыми могут быть живые организмы, физические силы и даже абстрактные понятия. Импульс к изменениям дает пульсирующая материя, плазма, в которой островками являются постоянно пересобирающиеся коллективы. «Мы должны быть в состоянии рассматривать и огромную инертность социальных структур, и невероятную текучесть, на которой держится их существование: последняя и есть подлинная среда, позволяющая первым циркулировать» [там же, с. 317].

Проблема внутри системы появляется на повестке дня как результат изменений, нарушения гомеостаза и целостности сети отношений. Все акторы данной сети или сборки пересобираются в новых отношениях. Политиков и их коллективы, сборки людей и вещей, можно также представить как откликающихся и реагирующих акторов на изменения сети.

В меняющемся поле меняются потребности и запросы.

Политическая повестка дня включает в себя актуальные социальные проблемы, отражающие общественные потребности или интересы групп, которые политики и администраторы готовы решать или на которые «готовы и способны реагировать», они выбирают сами, «почувствовав, что пришла пора на них прореагировать или хотя бы создать видимость такой реакции» [27, с. 165].

Политическая повестка дня также формируется под влиянием таких факторов изменения поля, как общественное мнение, экономическая ситуация, приоритеты политических партий, и в итоге она определяет процесс принятия решений в органах власти. Все эти феномены могут быть рассмотрены как сети акторов, вещи и тексты, через которые выражаются те или иные тренды и тенденции.

Для нас существенным в данных интерпретациях процесса принятия политического решения является фокус на способности отклика политиков и чиновников на проблему, обнаружение ими своего интуитивного ответа и структурного понимания ситуации, что говорит об инкорпорированных акторах, габитусах и диспозициях.

В современной политике для включения общественных вопросов в повестку дня используются различные методы. Для АСТ главным объектом анализа повестки дня и ее изменений будет материальный носитель процессов, таких традиционных процессов и методов, как давление общественного мнения, кампании в СМИ, демонстрации, политические партии, рекомендации лиц, принимающих стратегические решения, подкуп заинтересованных лиц.

Дэялошинский, изучая аффордансы информационного поля, отмечает волнообразный процесс приливов и отливов интереса к политическим проблемам посредством СМК. Исследователь медиа отмечает специфический «приглашающий» характер объектов и событий через аффордансы, подсказывающий алгоритм последующих действий [11].

Таким образом, на первом этапе появляется изменение привычного положения дел в системе, ощущаемое как неудобство, новизна, беспокойство, интенциональность. Привычное использование вещей проблематизируется.

Автор классического учебника по политическому анализу Данн отмечает, что политические проблемы — это репрезентация проблемных ситуаций, которые представляют собой рассеянный набор беспокойств, зачаточные признаки неожиданности и стресса, для которых нет очевидного решения [29]. Знание того, какую проблему решать, требует знаний о предшествующих условиях проблемной ситуации или фонового знания, а также знаний о ценностях, достижение которых может привести к определению проблемы и возможным вариантам ее решения. Знание политической проблемы также включает в себя как минимум два потенциальных решения проблемы и, если возможно, вероятность того, что каждая альтернатива может привести к решению.

Превращение проблемы в публичную

Знания о политических проблемах играют решающую роль в политическом анализе, поскольку способ определения проблемы устанавливает определение доступных решений.

Даунс выделил пять стадий цикла привлечения внимания к проблеме: предпроблемная, тревожное открытие, осознание цены прогресса и постпроблемная. На стадии «до проблемы» проблема выявляется, но еще не осознается обществом. На стадии тревожного открытия возникает общественный интерес, осознается цена поспешных решений и наступает стадия постпроблемного развития, когда проблема переходит в «сумеречную зону». На этом этапе проблема может быть переоценена и рассмотрена под другим углом, с новыми решениями и стратегиями. Решимость группы поддержки и ее пропаганда могут вновь пробудить интерес общественности, что приведет к возобновлению усилий по поиску устойчивого решения [30]. Такой непрерывный цикл решения и переоценки проблемы позволяет сохранить ее актуальность и продолжить поиск возможных решений. По данной классификации наша стадия соответствует тревожному открытию.

Появляются вещи, которые формируют изменения, локализуют новые практики. Своими действиями и взаимодействием акторы определяют, каким образом окружающая среда и ее обитатели будут развиваться и адаптироваться к этим изменениям. Акторы выступают в роли катализаторов, инициирующих необходимые изменения и формирующих новое положение дел в отношениях «организм — среда».

Этот этап соответствует «модели политики», основанной на коммуникации и аргументации, на который сильно повлияли поздние работы Хабермаса о «коммуникативной рациональности», согласно которой рациональным считается то, что

коммуникативно, интерсубъективно обосновано или оправдано [31]. Использование медиа и средств коммуникации в процессе реагирования на изменения в среде необходимо на этом этапе принятия решения.

Обсуждение в антагонистических группах

Дискурсивные группы в СМИ и СМК всегда антагонистичны и конфликтны [32; 33]. Элементы диспозитивов групп относятся к акторам, изменяющим артикуляции и действия групп. Правительство принимает дискуссионность вопроса в качестве общественной воли. Такое признание необходимо для процветания демократии, поскольку позволяет представлять различные точки зрения и интересы. Дискурс СМИ может способствовать конструктивным дискуссиям, которые ведут к принятию обоснованных решений и выработке более эффективной политики для общества в целом.

Подключение публики

Подключение общественности к проблеме является политическим решением, поскольку до этого нейтральная общественность может усилить точку зрения одной из оппозиционных групп. Определенные акторы (СМИ, соцсети, события) способствуют осведомленности широкой общественности о проблеме и ее последствиях, обсуждению эффективных стратегий привлечения различных заинтересованных сторон к поиску рационального решения проблемы.

Кроме того, в медиадискурсе оценивается долгосрочное воздействие и устойчивость предлагаемых решений, чтобы убедиться в их жизнеспособности при решении проблемы. Учет этих факторов по-

зволит лицам, принимающим решения, сделать обоснованный выбор, отвечающий интересам всех заинтересованных сторон, и максимально повысит шансы на успешное решение поставленной задачи.

Перевод проблемы в рутину посредством вещей

Постпозитивистская теория политики отстаивают идею коммуникативного анализа политики, согласно которой основная задача аналитиков, политиков и управленцев быть фасилитаторами и содействовать процессу обсуждения и помочь вовлеченным акторам критически отнестись к собственным дискурсивным практикам [30].

Разработка планов управления, программ развития, политики конструирования идентичности поддерживаются материальными акторами и переводят результат дискуссии на предыдущей стадии в рутинизированные процессы оформления, проверки и согласования документов.

Группа поддержки, обладающая сильной групповой идентичностью, по АСТ, может продолжать отстаивать проблему, повышать осведомленность о ней и добиваться ее решения. Группа может сотрудничать с другими организациями и частными лицами, чтобы сохранить внимание к проблеме и поддерживать импульс к изменениям. Мобилизую усилия и ресурсы, участники могут возродить общественный интерес и начать новый цикл актуализации повестки дня и решения, ушедшей в «сумеречную зону» проблемы. Акторами являются СМИ и СМК, социальные сети, интроверты чиновников, инфлюенсеров и консультантов, лоббирующих интересы групп. Переход с одной стадии на

другую осуществляется посредством выявления мотивирующих сил каждого меняющего ситуацию шага. Вещи, меняющие ситуацию, называются в ACT посредниками. «Первый корректирующий шаг выглядит достаточно простым: мы должны прочертить непрерывные связи от локального взаимодействия к другим местам, временам и силам, побуждающим локальную инстанцию что-либо делать. Это значит, что нам надо идти за процессом делегирования или пе-

ревода. <...> Такой разворот может принять форму сети при условии, что каждое перемещение будет оплачено трансформациями, то есть если мы гарантируем, что весь путь от одного места до другого будет размечен не проводниками, а полноценными посредниками. Тем самым мы сделаем видимыми длинные цепи акторов, соединяющие места друг с другом, не упустив ни одного звена» [17, с. 229].

В таблице пять стадий политического процесса принятия решения

Стадии политического процесса решения проблемы / Stages of the Political Process of Solving a Problem

Структурные стадии в политическом процессе / Structural Stages in the Political Process	Структурные стадии в коммуникативном процессе / Structural Stages in the Communication Process	Де-/ стабилизирующие отношения вещи / De-/ Stabilizing Relationships Things
Появление проблемы	Изменение гомеостаза в среде, изменение объектов, изменение симбиотических отношений, изменение привычного положения дел в поле «организм - среда»	Привычное использование вещей проблематизируется
Превращение проблемы в публичную	Использование медиа и средств коммуникации в процессе реагирования на изменения в среде, обсуждение, поиск решения и структурирование проблемы	СМИ, социальные сети
Принятие правительством этого вопроса как общественной воли и высшего блага	Обсуждение в рамках дискурсов групп всегда антагонистичных и конфликтных, поскольку оппозиция и разнообразие присущи демократическому политическому режиму	Элементы диспозитивов групп, драйверов артикуляции и действия групп
Подключение публики к решению проблемы	Выбор рационального решения	Диспозитивы, коммуникация, проверка предложений
Переход проблемы в обычную стадию управленческой рутины	Разработка планов управления, программ развития, политики конструирования идентичности, соответствующей ситуации	Планы, схемы, формулы, отчеты, медиатексты

позиционированы в пяти стадиях коммуникативного процесса, согласно концептуальной модели, и на каждой стадии обозначены материальные акторы, посредники процессов.

В таблице показаны этапы операционализации дисбаланса системы, конфликта, и перевода политического решения в управляемые процессы. На каждой стадии социальные отношения стабилизируют те или иные вещи: трансформаторы, медиа, отчеты и планы, диспозитивы, коммуникация по структурной схеме «цикл контакта», наполненная инкорпорированными вещами [16].

На первом этапе система теряет устойчивость. Привычное использование вещей проблематизируется, вещи перестают работать должным образом. Второй источник неопределенности, по Латруу, гласит, что действие захватывается разными силами [17]. Использование медиа и средств коммуникации в процессе реагирования на изменения в среде позволяет сориентироваться, найти информацию о ситуации, организовать обсуждение, и начать поиск новых акторов с их потребностями, уводящими от изначальной цели, и начать переструктурирование и стабилизацию ситуации за счет нахождения новых заинтересованных акторов и диалога с ними. Обсуждение в рамках дискурсов групп в информационном пространстве всегда конфликтны, что позволяет также выделить стейкхолдеров, их аргументы, зафиксированные в артефактах-акторах (например, нарушение законодательства о сносе зданий может быть аргументировано историческим планом и кадастром). Выбор рационального решения и разработка планов управления осуществля-

ется с учетом обсуждения выявленных акторов и их зафиксированных аргументов, стабилизирующих акторов — документов, ценностей, программ развития, мнения общественности, политики памяти и локальной идентичности, тенденциям ситуации, зафиксированным в медиа. Переход проблем в обычную стадию управляемой рутиной представлен акторами — текстами по результатам исследования ситуации.

Какие вопросы должны волновать политику и политическую коммуникацию в свете новой онтологии? Одним из ответов мы видим следующий: вещи, которые способствуют закрытию каждого этапа политического процесса, начиная от идентификации и обсуждения проблемы до ее решения и рутинизации. Новая политика — это интегративная политика центрального и местного управления, в которой отклик, постоянно модифицирующий систему, существенное рутинного выполнения системой готовых функций.

Заключение

Современные исследования цифровизации, искусственного интеллекта, экологии, постколониализма, коммуникации и управления все больше опираются на новую онтологию. Трансгуманизм и постгуманизм создаются как философии интеграции нечеловеческих объектов в человеческий мир, расширяющие возможности коммуникации при сохранении имеющихся антагонизмов [28]. Необходимость понимания организации политического знания и политической коммуникации стала более актуальной в результате вызовов, брошенных цифровыми технологиями и новы-

ми СМИ традиционным формам политики и государственного управления. Онтологические теории объясняют процедуры трансформаций в сетях и дискурсивных сборках, то есть переводят вопрос из области феноменологии техники в область конкретных процедур выявления и привлечения новых акторов.

Последовательно представленные в таблице акторы политической коммуникации принятия решения представляют собой схему коммуникации, которая оптимизирует механизмы решения проблем, помогает прохождению и стабилизации каждого этапа коммуникации, упрощает привлечение новых акторов, универсализует антагонизмы, которые до этого казались локальными, осуществляя сборку данных, которые прежде воспринимались как частные случаи социального действия, а теперь становятся маркерами привлечения новых технологий для управления.

Таким образом, общие идеи онтологического поворота, — децентрация субъекта; реализм; эмерджентность; ограниченность здравого смысла, постправда; непринятие иерархии; непризнание абсолютных истин и эссенциализма; значимость объектов и их проявлений; признание активности и агентности вещей и природы, — локализуются в процессе политической коммуникации через акторов, сети, которые как стабилизируют, так и изменяют систему. Схема политической коммуникации, переводящая проблемы в управлеченческие решения, работает за счет стабилизирующих коммуникацию вещей, в том числе медиа.

В гештальт-терапии под завершением понимается процесс разрешения незавершенных дел или

неудовлетворенных потребностей. С другой стороны, завершение как системный гомеостаз означает естественную тенденцию системы, будь то отдельный человек или большая социальная группа, стремиться к равновесию и балансу. Эти концепции предполагают, что при нарушении, неудовлетворенности или дисбалансе в системе она будет стремиться восстановить гармонию, достраивая все недостающие элементы.

Контексты обоих подходов, гештальтистской коммуникации и сетевого онтологического подхода в процессе принятия политических решений, при совмещении помогают более успешно проводить децентрирование, не сводя его исключительно к аналитике, к вычленению наблюдаемых элементов, которые должны стать предметом дальнейшего аналитического разложения. Напротив, акторность понимается как научная обоснованность ситуации, внутри которой действия актора стали возможны. Гештальт-анализ и акторно-сетевой анализ тогда устанавливают предельный горизонт возможных действий акторов, показывая, что все варианты такого действия уже имплицитны и могут быть верифицированы в ходе дальнейшей коммуникации. Тем самым, политическая коммуникация, как выявление имплицитных и окончательных действий, оказывается встроена в критическую социальную коммуникацию как обсуждение самих предпосылок признания такой основательности и бесповоротности.

Результаты исследования процессов принятия решения помогут конвергировать гомеостаз системы и завершенность процессов по удовлетворению потребностей, тем самым соединяя статику и динамику и не сводя систему к отдельным проекциям.

Список использованной литературы

1. Сморгунов Л.В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике / Л.В. Сморгунов // Социальные и гуманитарные знания. — 2020. — Т. 6, №. 2. — С. 122–133.
2. Денисова Г.С. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии / Г.С. Денисова, И.Н. Полонская, Е.В. Сусименко. — DOI 10.19181/vis.2022.13.2.797. — EDN RLJOOB // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 13, № 2. — С. 137–158.
3. Балаян А.А. Акторно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии / А.А. Балаян, Л.В. Томин. — EDN YXHTIO // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — № 1. — С. 88–94.
4. Шаев Ю.М. Интернет вещей и акторно-сетевая теория Б. Латура: методология и онтология / Ю.М. Шаев. — DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-40-45. — EDN YMVWWN // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12, № 3. — С. 40–45.
5. Орлова И.Б. Акторно-сетевая теория и социальная практика / И.Б. Орлова. — DOI 10.31857/S013216250009372-2. — EDN DDYMKD // Социологические исследования. — 2020. — № 7. — С. 128–137.
6. Ним Е.Г. Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров / Е.Г. Ним. — DOI 10.19181/socjour.2017.23.3.5361. — EDN ZIPDEJ // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23, № 3. — С. 8–25.
7. Сосновская А.М. Новые онтологии как перспектива изучения политических отношений: акторно-сетевая теория и медиа / А.М. Сосновская. — DOI 10.30547/mediaalmanah.2.2023.2934. — EDN VTZCIV // Меди@льманах. — 2023. — № 2 (115). — С. 29–34.
8. Spöhrer M. Applications of Actor-Network Theory in Media Studies: A Research Overview / M. Spöhrer // Applying the Actor-Network Theory in Media Studies. — Hershey, PA: IGI Global, 2017. — С. 1–19.
9. Domingo D. News Networks / D. Domingo, V. Wiard // The SAGE handbook of digital journalism. — 2016. — С. 397–409.
10. Володенков С.В. Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде: по материалам экспернского исследования / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкин. — DOI 10.21638/spbu23.2023.105. — EDN STHIAO // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2023. — Т. 19, № 1. — С. 58–79.
11. Дзялошинский И.М. Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или Кто стоит за спиной массмедиа / И.М. Дзялошинский. — DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-1-92-98. — EDN YNQURC // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2021. — Т. 26, №. 1. — С. 92–98.
12. Мадиану М. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / М. Мадиану, Д. Миллер. — DOI 10.14515/monitoring.2018.1.17. — EDN YQUCSQ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 1 (143). — С. 334–356.
13. Сосновская А.М. Ценностно и целеориентированные диспозитивы дискурса культурного наследия в теории политической коммуникации / А.М. Сосновская. — DOI 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102. — EDN ACKJUT // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17, № 4. — С. 93–102.
14. Руденко Н.И. От забвения до камней преткновения и обратно: анализ контроверзы вокруг калининградской брускатки через призму pragматической социологии / Н.И. Руденко. — DOI 10.17323/usp52202050-70. — EDN RTKSIA // Городские исследования и практики. — 2020. — Т. 5, № 2. — С. 50–70.
15. Марков А.В. К теории темных медиа / А.В. Марков. — DOI 10.28995/2227-6165-2022-1-75-84. — EDN OLAJSK // Артикульт. — 2022. — № 1(45). — С. 75–84.
16. Sosnovskaya A.M. Conceptual Communication Model for the Sociological Analysis of Urban Heritage Conflicts / A.M. Sosnovskaya. — DOI 10.2139/ssrn.4400765 // SRN Electronic Journal. — 2023. — <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4400765>.

17. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; под ред. С. Гавриленко. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с.
18. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Г. Харман. — Ad Marginem, 2021. — 272 с.
19. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / Г. Харман. — Рипол Классик, 2019. — 496 с.
20. Беннетт Д. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей / Д. Беннетт. — Пермь: Гиле Пресс, 2018. — 220 с.
21. DeLanda M. Emergence, Causality and Realism / M. DeLanda // Architectural Theory Review. — 2012. — Vol. 17 (1). — P. 3–16.
22. Блинов Е. Пером и штыком: введение в революционную политику языка / Е. Блинов. — Москва : Высшая школа экономики, 2022. — 312 с. — EDN VNBRMX.
23. Широков А.А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлексивные тексты / А.А. Широков. — DOI 10.17323/1728-192X-2019-1-186-217. — EDN PTIGYQ // Социологическое обозрение. — 2019. — Т. 18, № 1. — С. 186–217.
24. Кузнецов А. Метод Латура: семиотика между литературой и наукой / А. Кузнецов // Логос. — 2018. — Т. 28, № 5 (126). — С. 85–112.
25. Корконосенко С.Г. Журналистика в модусе культуры: институциональный взгляд / С.Г. Корконосенко, М.А. Воскресенская. — DOI 10.34823/SGZ.2020.4.51402. — EDN VKIMMW// Социально-гуманитарные знания. — 2020. — № 4. — С. 108–119.
26. Гавра Д.П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии / Д.П. Гавра. — EDN: TTGRYV // Российская школа связей с общественностью. — 2019. — № 15. — С. 65–78.
27. Дегтярев А.А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные фазы / А.А. Дегтярев. — EDN HSOEDD // Полис: Политические исследования. — 2004. — № 4. — С. 158–168.
28. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Гиле Пресс, 2020. — 340 с.
29. Dunn W.N. Public Policy Analysis / W.N. Dunn. — Routledge, 2015. — 480 p.
30. Handbook of Public Policy Analysis: Theory, Politics, and Methods / eds. F. Fischer, G.J. Miller. — Routledge, 2007. — 645 p.
31. Чекушкина Е.Н. Коммуникативная теория Ю. Хабермаса и культура информационного общества / Е.Н. Чекушкина. — EDN RVQDKH // Теория и практика общественно-го развития. — 2014. — № 1. — С. 25–27.
32. Law J. After Method: Mess in Social Science Research / J. Law. — Psychology Press, 2004. — 197 p.
33. Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. — London: Verso, 1985. — 210 p.

References

1. Smorgunov L.V. Ontological Turns in Contemporary Political Science: In Search for Compliance with Politics. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 122–133. (In Russian).
2. Denisova G.S., Polonskaya I.N., Susimienko E.V. Actor-Network Theory: Innovative Aspects of Sociological Methodology. *Vestnik instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 137–158. (In Russian). EDN: RLJOOB. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.797.
3. Balayan A.A., Tomin L.V. Actor-Based Network Theory in the Context of Ideology and Political Ontology. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: The Humanities and Social Science*, 2018, no. 1, pp. 88–94. (In Russian). EDN: YXHTIO.
4. Shaev Yu.M. The Internet of Things and B. Latour's Actor-Network Theory: Methodology and Ontology. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector*, 2017, vol. 12, no. 3, pp. 40–45. (In Russian). EDN: YMWWN. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-3-40-45.
5. Orlova I.B. Actor-Network Theory and Social Practice. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2020, no. 7. pp. 128–137. (In Russian). EDN: DDYMKD. DOI: 10.31857/S013216250009372-2.

6. Nim E.G. Exploring Mediatization of Society: The Concept of Mediatized Worlds. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journals*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 8–25. (In Russian). EDN: ZIPDEJ. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5361.
7. Sosnovskaya A.M. New Ontologies as a Perspective for the Study of Political Relations: Actor-Network Theory and Media. *MediaAl'manakh = MediaAlmanah Journal*, 2023, no. 2, pp. 29–34. (In Russian). EDN: VTZCIV. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2023.2934.
8. Spöhrer M. Applications of Actor-Network Theory in Media Studies: A Research Overview. *Applying the Actor-Network Theory in Media Studies*. Hershey, PA: IGI Global, 2017. pp. 1–19.
9. Domingo D., Wiard V. News Networks. *The SAGE Handbook of Digital Journalism*, 2016, pp. 397–409.
10. Volodenkov S.V., Fedorchenco S.N., Pechenkin N.M. Opportunities and Features of the Worldview Formation in the Digital Communication Environment: Based on the Materials of an Expert Study. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 58–79. (In Russian). EDN: STHIAO. DOI: 10.21638/spbu23.2023.105.
11. Dzyaloshinskii I.M. The Affordances of the Information and Communication Universe, Or Who is Behind the Mass Media. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika = Rudn Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2021, vol. 26, no. 1, pp. 92–98. (In Russian). EDN: YNQURC. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-1-92-98.
12. Madianou M., Miller D. Polymedia: Towards A New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 1, pp. 334–356. (In Russian). EDN: YQUCSQ. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17.
13. Sosnovskaya A.M. Value and Goal-Oriented Dispositives of the Discourse of Cultural Heritage in the Theory of Political Communication. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 93–102. (In Russian). EDN: ACKJUT. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-93-102.
14. Rudenko N.I. From Oblivion to the Stumbling Rocks and Back: A Pragmatic Sociological Analysis of the Controversies Around Kaliningrad Cobblestones. *Gorodskie issledovaniya i praktiki = Urban Studies and Practices Journal*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 50–70. (In Russian). EDN: RTKSIA. DOI: 10.17323/usp52202050-70.
15. Markov A.V. To the Theory of Dark Media. *Artikul't = Articulf*, 2022, no. 1, pp. 75–84. (In Russian). EDN: OLAJSK. DOI: 10.28995/2227-6165-2022-1-75-84.
16. Sosnovskaya A.M. Conceptual Communication Model for the Sociological Analysis of Urban Heritage Conflicts. *SRN Electronic Journal*, 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4400765.
17. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. New York, Oxford University Press, 2005. 324 p. (Russ. ed.: Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow, HSE Publishing House, 2014. 384 p.).
18. Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*. Pelican Books, 2017. 197 p. (Russ. ed.: Harman G. *Object-oriented Ontology: new «Theory of Everything»*. Ad Marginem, 2021. 272 p.).
19. Harman G. *Weird Realism: Lovecraft and Philosophy*. Zero Books, 2012. 260 p. (Russ. ed.: Harman G. *Speculative Realism: An Introduction*. Rипol Klassik, 2019. 496 p.).
20. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham, Duke University Press, 2010. 204 p. (Russ. ed.: Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Perm', Gile Press, 2018, 220 p.).
21. DeLanda M. Emergence, Causality and Realism. *Architectural Theory Review*, 2012, vol. 17 (1), pp. 3–16.
22. Blinov E. *With the Pen and the Bayonet: An Introduction to the Revolutionary Politics of Language*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2022. 302 p. EDN: VNBRMX.
23. Shirokov A.A. The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bruno Latour: How to Write Infra-Reflexive Texts. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 186–217. (In Russian). EDN: PTIGYQ. DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-186-217.
24. Kuznetsov A. Latour's Method: Semiotics Between Literature and Science. *Logos = The Logos Journal*, 2018, vol. 28, no. 5, pp. 85–112. (In Russian).

25. Korkonosenko S.G., Voskresenskaya M.A. Journalism in the Mode of Culture: Institutional View. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2020, no. 4, pp. 108–119. (In Russian). EDN: VKIMMW. DOI: 10.34823/SGZ.2020.4.51402.
26. Gavra D.P. Concept and Characteristics of Communication Strategy. *Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu = Russian School of Public Relations*, 2019, no. 15, pp. 65–78. (In Russian). EDN: TTGRYV.
27. Degtyarev A.A. Process of Decision-Making-And-Realizing In Public Policy: Dynamic Cycle and Its Main Phases. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2004, no. 4, pp. 158–168. (In Russian). EDN: HSOEDD.
28. Haraway D. *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Durham, Duke University Press, 2016. 316 p. (Russ. ed.: Haraway D. *Staying with the Trouble : Making Kin in the Chthulucene*. Perm', Gile Press Publ., 2020, 340 p.).
29. Dunn W.N. *Public Policy Analysis*. Routledge, 2015. 480 p.
30. Fischer F., Miller G.J. (eds.). *Handbook of Public Policy Analysis: Theory, Politics, and Methods*. Routledge, 2007. 645 p.
31. Chekushkina E.N. Communicative Theory of J. Habermas and Culture of the Information Society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 1, pp. 25–27. (In Russian). EDN: RVQDKH.
32. Law J. *After Method: Mess in Social Science Research*. Psychology Press, 2004. 197 p.
33. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London, Verso, 1985. 210 p.

Информация об авторе

Сосновская Анна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиа-коммуникаций, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sosnovskaya-am@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>.

Authors Information

Anna M. Sosnovskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Journalism and Media Communication, North-West Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation, sosnovskaya-am@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9736-0912>.

Для цитирования

Сосновская А.М. Эвристическая перспективность использования акторно-сетевой теории для медиакоммуникации как политической науки и практики / А.М. Сосновская. — DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(4).619-635. — EDN AKWPUF // Вопросы теории и практики журналистики. — 2023. — Т. 12, № 4. — С. 619–635.

For Citation

Sosnovskaya A.M. Heuristic Perspective of Using Actor-Network Theory for Media Communication as Political Science and Practice. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2023, vol. 12, no. 4, pp. 619–635. (In Russian). EDN: AKWPUF. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(4).619-635.